

«И полосками паспорта беженца перекрещено сердце мое»

Москва, Правда - 1993 - 16 мая - с 7

Кладбище Сент-Женевьев де Буа в Париже. Рядом с могилами Бунина, Мережковского, Андрея Тарковского, Виктора Некрасова — могила Галича.

Имя Александра Галича в 40—60-е годы было связано прежде всего с пьесами «Вас вызывает Таймыр», «Походный марш», «Пароход зовут «Орленок» (авторами которых он был) и со сценариями фильмов «На семи ветрах», «Верные друзья» и другие. Его работы были отмечены многими премиями, в том числе зарубежными. А в среде театралов Сашу Галича помнили еще и как актера, учившегося у К. Станиславского, с успехом дебютировавшего в студии В. Плучека и А. Арбузова.

Тем неожиданное стало для многих его обращение к песням сатирическим. Стало существовать как бы два Галича: с одной стороны — «благополучный сценарист, благополучный драматург, благополучный советский холуй», как с горечью определяет сам себя писатель, с другой — автор «мгновенно и опасно прославившихся песен» (Ст. Рассадин). В годы реакции редко кому были доступны книги Солженицына. Правду о сталинщине люди узнавали, слушая и переписывая песни Галича, во многом рас-

У микрофона Галич... «Генеральная репетиция» (автобиографическая повесть).

24 мая 1975

...Сегодня я собираюсь в дорогу — в дальнюю дорогу, трудную, извечно и изначально — горестную дорогу изгнания. Я уезжаю из Советского Союза, но не из России! Как бы написано ни звучали эти слова — и даже пускай в разные годы многие повторяли их до меня, — но моя Россия остается со мной!

У моей России вывороченные негритянские губы, синие ногти и курчавые волосы — и от этой России меня отлучить нельзя, никакая сила не может заставить меня с нею расстаться, ибо родина для меня — это не географическое понятие, родина для меня — это и старая казачья колыбельная песня, которой убаюкивала меня моя еврейская мама, это прекрасные лица русских женщин — молодых и старых, это их руки, не ведающие усталости, — руки хирургов и подсобных работников, это запахи — хвои, дыма, воды, снега, это бессмертные слова:

Редет облаков летучая гряда
Звезда вечерняя,
печальная звезда...

В ней, в моей России, намешаны тысячи кровей, тысячи страстей — веками — терзали ее душу, она была в набаты, грешила и каялась, пускала «красного петуха» и покорно молчала, но всегда в минуты крайней крайности, когда казалось, что все уже кончено, все погибло, все катится в тартарары, спасения нет и быть не может, искала — и находила — спасение в Вере! Меня — русского поэта — «пятым пунктом» — отлучить от России нельзя!

26 июля 1974

Я желаю самого большого успеха и счастья этой стране... Я говорил себе: «Можешь ли ты быть полезен Израилю?». И мне кажется, что я был бы не только не полезен, а вреден... потому что смысл существования этих приезжих... этой «алии» в том, чтобы раствориться в среде Израиля... воспринять чужой язык, культурную традицию... привычки... Я уже не молодой человек... Я — русский поэт... и я оказался в какой-то мере... я не преувеличиваю своего значения, естественно... но просто неизбежно я бы оказался каким-то центром, объединяющим именно советско-русское землячество... и объективно мог бы принести этим какой-то вред...

Незадолго до смерти (дата отсустствует)

А началось это с того, что года два тому назад, когда я улетал из Нью-Йорка в Европу, меня посадили в самолет ужасно усталого и очень сонного. Дело в том, что накануне я был на дне рождения у Ростроповича, причем приехала я на этот день рождения после своего собственного концерта, приехал поздно. Мы гуляли почти до самого утра, днем я так и не успел отдохнуть, и когда меня посадили в самолет, я уже просто засыпал на ходу. И я даже не

помню, как мы взлетели, потому что я спал...

Когда я проснулся, я увидел, что около меня стоит стюард... и предлагает мне что-то выпить, и я спросил его, как мы летим. Он спросил: в каком смысле «как»? Я говорю: ну какой у нас маршрут? Он сказал: ну как же — у нас маршрут Нью-Йорк — Москва, — сказал он мне. Я настолько обалдел, что у меня просто отвисла челюсть, и я долго так и сидел в этом состоянии, пока он снова не прошел мимо, и я спросил его: а скажите, — спросил я его дрожащим голосом, — а где-нибудь у нас будет посадка или прямой рейс? Он сказал: рейс прямой, — сказал он, после чего у меня уже совершенно упало сердце, — но посадка у нас будет в Амстердаме. Тут я вздохнул с облегчением, а потом, вот с той поры, начался этот сон. Как говорится в «Борисе Годунове» у Пушкина — «Все тот же сон...».

И очень часто мне снится, что я прилетаю в Москву. Прилетаю в Москву, сажусь в такси, и уже в такси я понимаю, что, собственно говоря, ехать-то мне некуда. Я не знаю, к кому я могу пойти? Кого я могу не подвести? И как мне быть дальше? Где я буду ночевать? Где я буду есть? Кому я рискну позвонить?..

крывшие глаза на преступления советского режима. Переход Галича в разряд диссидентов был неизбежен. Исключенный из Союза писателей и Союза кинематографистов, писатель все время искал пути к своему читателю и слушателю. Возможно, многие впервые услышали его голос и его песни благодаря радиостанции «Свобода», с которой он сотрудничал с 1974-го по 1977-й год. Более 150 раз звучал его голос в эфире, и сквозь помехи, припадая к радиоприемникам, слушала его песни страна...

Смерть Галича 15 декабря 1977 года в Париже (по официальной версии он умер от удара электрическим током при подключении только что купленной аппаратуры), на первый взгляд, может показаться неожиданной и нелепой. Но настолько ли она нелепа? Бывает, случается; соответствие смерти — человеку. Тому, кем и как он жил. Не всем дано умереть в соответствии с самим собой. Но иным — дано...

Некоторые из записей Галича на радиостанции «Свобода» были сохранены ее сотрудником Юлианом Паничем и впервые издали в США. Их мы и предлагаем сегодня вашему вниманию.

И потом обычно этот сон где-то перебивается ощущением, что я стою в будке телефона-автомата... держу... пятнадцатикопеечную монету и я не знаю, кому позвонить... Родным? Я боюсь. Друзьям? Я не знаю, как я им позвоню и что я им скажу... И это ужасное ощущение того, что я наконец-то дома, я наконец-то у себя, на родине, я наконец-то там, где мне все мило и все — тяжело, все — необыкновенно дорого и все — необыкновенно раздражает меня, и вместе с тем я понимаю, что я уже чужой в этом мире: этот мир — мой мир! — он не может меня принять, и я не могу в него войти...

Я, как правило, иду потом от площади Маяковского до площади Пушкина; я до сих пор помню все дома по правой стороне, помню, что там находится, и последовательность этих домов...

И я захожу в магазин, где когда-то были меха, а теперь продают всякие фотопринадлежности, и иногда там можно было достать батарейки для транзистора, поэтому я туда заходил очень часто; и я стою и меня спрашивают: что вы хотите? и я начинаю покупать батарейки для транзистора. И обычно где-то вот на этих самых батарейках и кончается этот очень горестный и очень странный сон, который, как я уже сказал, уже из месяца в месяц повторяется и снится мне очень часто...

2 октября 1974 (К кончине Василия Шукшина)

Он (Шукшин) понимал, что чьи-то руки вычеркивают из его произведений самые важные слова, калечат его картины... они не выходят в том виде, в котором он их задумал... Как же может выдержать человеческое сердце?... Теперь-то мы знаем — не смогло это сердце выдержать...

3 октября 1974

Мы все, представители художественной интеллигенции, мы — не политики, но... приходит пора — и об этом сказал Ростропович — пришла пора, когда мы осознали, что не можем больше работать, как бы мы хотели работать, приходит пора определить свою позицию в этом мире.

23 ноября 1974

...21 августа ко мне ужасали мои друзья, лица были ужасные, трагические, несчастные... они сказали, что слышали по радио о том, что началось вторжение в Чехословакию... И на следующий

день я написал эту песню... И в тот же вечер (кто-то) прочел эти стихи и присутствующий при этом Павел Литвинов сказал: «Актуальные стихи». Это было за день до того, как он со своими друзьями вышел на Красную площадь протестовать против вторжения...

29 декабря 1974

Я продолжаю верить, что наша страна в итоге не погибнет, я не верю в добрые намерения властей, но я верю, что... пусть не на моем веку... страна рано или поздно должна найти в себе силы, чтобы пойти по человеческому пути...

9 мая 1975

9 мая в Советском Союзе отмечается День Победы над Германией. Девятого мая Елена Боннэр и Андрей Сахаров продолжают голодовку, которую они объявили в знак протеста против отказа советских властей «выдать Елене Боннэр разрешение на выезд в Италию для лечения ее тяжелейшего заболевания глаз, то есть она фактически слепнет. Не примечательное ли это совпадение? Девчонкой, школьницей Елена Боннэр... ушла на фронт. Она всю войну пробыла на фронте, она была тяжело ранена несколько раз; она была награждена орденами и медалями, которые она потом вернула. И вот героине войны, женщине слепнущей, которую можно спасти, не дают этого разрешения, чтобы ее спасти... Она продолжает голодовку в день праздника Дня Победы... Надо называть вещи своими именами: продолжается война советского правительства с советским народом.

18 января 1975

Этот листок пришел от вас, из Советского Союза, и, пожалуй, давно я не испытывал такой радости, такого счастья... На листке этом сверху написано так: «Песня о Галиче, которую сейчас поют студенты»...

В Норвегии все куплено,

все продано,

В Норвегии веселое житье,

Но на роду написана

мне родина,

И никуда не деться от нее.

Искать не стану тихого

пристанища,

Сулить не стану царства

за коня,

Но пусть ночами хриплый

голос Галича

Звучит в магнитофоне

для меня...

Подготовила
Е. КУРБАНОВА.